

МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ СОЮЗ РАБОТНИКОВ ОБРАЗОВАНИЯ “УЧИТЕЛЬ” – ПРОФСОЮЗ НОВОЙ ФОРМАЦИИ

*БЕСПРИСТРАСТНОСТЬ, СПРАВЕДЛИВОСТЬ,
ТРУДОВАЯ ЗАЩИЩЕННОСТЬ...*

Только коллективная борьба, солидарность учителей, считают в Профсоюзе “Учитель”, помогут в разрешении самых наболевших проблем, которые уже давно назрели в сфере образования

■ Защищаем права учителей

С советских времен всем нам известно такое солидное объединение как Общероссийский профсоюз образования. Впрочем, на сегодняшний день это далеко не единственная организация, призванная защищать интересы учителей. В регионах существуют отдельные независимые сообщества, созданные в полном соответствии с Федеральным законом от 12.01.96 № 10-ФЗ “О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности”. Об этом мы беседуем с сопредседателем одной из таких организаций – Межрегиональным профессиональным союзом работников образования “Учитель”, преподавателем права и русского языка московской школы “Интеллектуал” Всеволодом Луховицким.

Почему учителям нужен другой профсоюз

— В школе вообще я работаю с 1979 года, конкретно в “Интеллектуале” — с 2004 года, — рассказывает Всеволод Владимирович. — Идея создать собственный профсоюз у нас с коллегами возникла где-то с середины “нулевых”, когда мы стали наблюдать явный рост протестного движения в среде образования и поняли, что возникла острая необ-

ходимость в новой организации, которая защищала бы права учителей. Наш профсоюз как общественная организация был зарегистрирован в 2011 году, а с 2014 года я стал одним из трех его сопредседателей.

— *Наверное, на первом этапе вам помогли, прежде всего, ваши коллеги по школе?*

— Нет, это происходило независимо, в том числе, и от школы. Ведь у меня, начиная с конца 80-х, сформировался большой круг друзей из самых разных образовательных учреждений Москвы и регионов. С ними мы работали много лет, прежде всего, по правовому просвещению школьников. Кроме того, есть опыт начала 90-х, когда мы с моими коллегами провели однодневную забастовку в примерно 400 московских школах. Напомню также, что в 2007 году мы с ними создали Всероссийской движение “Учителя за свободу убеждений”.

— *То есть ваша предыдущая активность логически перетекла в новую и вылилась в создание Профсоюза “Учитель”?*

— Да, так. Я вообще участвовал в очень многих акциях и движениях самых разных сил. Могу сказать, в частности, что до сих пор я состою в обществе “Мемориал”. До 2017 года существовала общественная организация, которая называлась “Молодежный центр прав человека и правовой культуры”, она занималась разработкой методики преподавания прав человека в школе и была достаточно известна среди учителей истории и обществознания России, а также среди правозащитных организаций, занимающихся правовым просвещением. С членами этой организации мы первоначально и стали думать, в чем причины протестных движений учителей, после чего пришли к выводу — **необходим другой профсоюз, отличный от существующего.**

— *Создание профсоюза — это ведь выход на качественно новый уровень, то есть вы обрели возможности, которых вам не давали предыдущие уровни. Ведь так?*

— Я бы не сказал, что они не достигали эффекта. По книжкам, которые мы издали и продолжаем издавать, права человека изучают тысячи детей в школах. В приложениях к газете “1 Сентября” опубликованы два курса, которые я веду с коллегами, и могу сказать, что от них эффекта

тоже весьма ощутимый. Просто появилась новая сторона жизни, и — да, открылись новые возможности. Если бы ситуация в стране для образования не стала так катастрофически ухудшаться, если бы учителя в разных регионах не начали сами высказывать свое желание что-то изменить, я бы ничего и не начинал.

— *Но, как вы сказали, в протестных движениях вы принимали участие еще с 90-х. Значит, ситуация начала ухудшаться уже тогда?*

— После той самой однодневной забастовки, которую мы провели в Москве, **московские власти ни разу не понижали зарплату учителям.** И это совершенно точно. Я думаю, это напрямую связано с той забастовкой. Поэтому мы с коллегами до сих пор считаем ее своей первой крупной победой. Одновременно мы поняли, что **Профсоюз работников образования**, входящий в Федерацию независимых профсоюзов России (ФНПР), **реально не готов к таким действиям.** Нашу забастовку они тогда, фактически, саботировали, сделали все, чтобы ее провалить. Мы после этого вышли из этой организации и почти 20 лет ни в какой профсоюз не входили. А потом решили создать свой.

— *Когда вы решились на это непростое дело, как к этому отнеслись ваши коллеги внутри школы, как отреагировала администрация?*

— У меня были там друзья и коллеги, и они меня поддержали. Но не более. Когда же межрегиональный профсоюз был создан, мы тут же создали в школе свою первичную организацию. Она постепенно росла и теперь в ней 35 членов. При этом Большой профсоюз (будем так, для краткости, называть Общероссийский профсоюз образования) у нас вообще не представлен. Но не потому, что мы этому как-то мешаем, просто сотрудники школы не хотят в него вступать.

Что же касается администрации, нам повезло. Нами всегда руководили умные директора, они понимали, что профсоюз, кроме всего прочего, это защита от произвола вышестоящих лиц. Ведь если директору сверху кто-то спускает какое-нибудь очередное бредовое распоряжение, в стандартной ситуации он не может просто так сказать, дескать, этого я не буду делать, потому что это чушь. Зато если в его школе есть профсоюз, он всегда может ответить, мол, я бы и с удовольствием выполнил ваше распоряжение, но у меня, к сожалению, есть независи-

мая общественная организация, и я, по закону, вынужден к прислушиваться к ее членам. И это, какой-никакой, а аргумент, просто игнорировать его Департамент образования не может, ибо нарушит российское законодательство. Умный директор понимает: профсоюз — это дополнительная защита и от скандалов внутри школы, и от судебных исков, и от ряда других проблем.

К сожалению, умные директора в природе встречаются не так часто, как хотелось бы, но нам, повторяю, повезло.

— *Насколько я помню, руководителей вот таких общественных организаций директор не имеет права просто так взять и уволить. Получается, что профсоюз защищает вас еще и таким образом?*

— Это правда, но не совсем. Да, он не может уволить председателя первичной организации нашего профсоюза без согласия с вышестоящим органом, то есть с нами, но дело в том, что все равно увольняют. Мы, конечно, подаем в суд, но он не всегда встает на нашу сторону.

— *Когда начались первые попытки взаимодействия Профсоюза “Учитель” с Большим профсоюзом?*

— Фактически, сразу. Когда мы собирали пресс-конференции, организовывали круглые столы по актуальным проблемам образования, то всегда приглашали на них представителей Большого профсоюза, чтобы они пришли, высказали свое мнение и, тем самым, продемонстрировали, поддерживают ли они нас или нет. На первых порах, действительно, кто-то из них к нам приходил, слушал, записывал, но никаких выступлений не делал, никаких комментариев не давал и никаких встречных действий не принимал. Посидят, посмотрят и уходят. И так, по сути, продолжается до сих пор, хотя приходиться стали значительно реже, зато в их словах и действиях появилась явная агрессия. Мы, например, никогда не заявляли, что Большой профсоюз существует на вражеские деньги, поступающие из-за рубежа. А вот в наш адрес подобные обвинения из уст представителей Большого профсоюза звучали, и не раз. В прошлом году в *Санкт-Петербурге* одна представительница райкома публично высказалась, что нас, якобы, финансируют военно-воздушные силы Нидерландов, и это всем известно.

— *Возможно, у нее есть свой человек во внешней разведке?*

— Не исключено. Но если так, надо обратиться в посольство Нидерландов и потребовать те деньги, которые нам причитаются. Кроме того, совсем недавно, в сентябре этого года, у нас появились союзники *в Екатеринбурге*. Одна уважаемая всеми учительница опубликовала в районной газете большую статью про наш профсоюз, подробно рассказала про наши инициативы и законопроекты. И буквально сразу же, моментально, первый секретарь районного комитета Большого профсоюза, в духе лучших традиций 1937 года, выдала еще большего размера статью, в которой опровергла все, что было написано той учительницей про нас. Более того, она проехала по школам региона и объяснила педагогам, что с ней не стоит иметь никаких дел, равно как и с нашей организацией.

Мы готовы работать с любыми учителями, независимо от того, являются ли они членами Большого профсоюза или нет. Если они хотят добиваться справедливой оплаты труда вместе с нами, мы только за, неважно, что они “не наши”. Например, *в Череповце* уже много лет существует свой собственный профсоюз работников образования, не зависимый ни от кого. Они давным-давно вышли из Большого профсоюза, но никуда не вошли, а организовали отдельную организацию. Кстати, это не единственный пример. Мы с ними замечательно сотрудничаем, обмениваемся информацией, приглашаем друг друга на мероприятия. И мне не приходит в голову предложить им присоединиться к нам, стать частью нашего профсоюза, переманив, таким образом, представителей “чужой паствы”. Ровно так же мы не мечтаем войти в их организацию. Нам важно, чтобы проблемы решались. А вот в Большого профсоюза, судя по всему, другая политика. Неслучайно в их уставе сказано, что их члены могут состоять только в этой организации, и ни в каких других больше. Мы несколько раз писали письма в руководство Большого профсоюза с предложениями совместно обсудить те или иные предложения, но ни разу не получили более-менее внятного ответа. А ведь наш профсоюз входит в Конфедерацию труда России, в объединение независимых профсоюзов. А руководит этой структурой Борис Кравченко, член Президентского совета по правам человека, достаточно известная личность. Он встречался года три назад с руководством Большого профсо-

юза, интересовался, почему они не хотят сотрудничать с независимыми профсоюзами. Но и тогда он не получил на это никакого ответа.

Конечно, вполне допускаю, что в регионах, на местах, бывают другие ситуации, и в одной школе прекрасно уживаются разные профсоюзные организации, которые запросто находят общий язык для решения каких-либо проблем. У нас был очень позитивный опыт *в Удмуртии*. Помню, приехал на семинар в маленький провинциальный город, туда приехали со всего района председатели первичных организаций Большого профсоюза, плюс наши люди, и мы сидели и спокойно обсуждали наши общие (!) проблемы. То есть на уровне района это еще проходит. А вот дальше — глухо. Руководство любой областной организации ни за что не хочет идти на контакт.

— *Почему, как вы думаете?*

— Полагаю, потому, что Большой профсоюз, к сожалению, давно перестал быть профсоюзом как таковым. С нашей точки зрения, это суровая правда жизни, которую нельзя замалчивать. Ведь профсоюз, по всем канонам — это объединение работников. **Но в Большом профсоюзе состоят все директора, все чиновники департаментов и министерств образования, руководители высшего звена. Но ведь это отнюдь не рядовые педагоги, а значит, они просто не могут там находиться!** Не может в одной организации состоять, помимо учителей, вся вертикаль тех, кто ими руководит. Такая организация никогда не будет эффективно защищать права рядовых сотрудников, просто потому, что в ней слишком много тех, кто в этом совершенно не заинтересован. Когда, в свое время, в 80-е годы, Горбачев описывал, как при Советской власти нарушались права трудящихся, он приводил очень хороший пример — председатель профсоюзного комитета танцует польку перед директором. Вот так было при СССР, и Большой профсоюз сегодня занимается именно этим.

— *Но ведь это можно развернуть и иначе — мол, у нас настолько все демократично, что профсоюз открыт для всех, без исключения, от рядового педагога до министра просвещения. И чтобы все они танцевали друг перед другом польку, находясь в равных условиях, как равноправные члены профсоюза.*

— Повторяю, профсоюз всегда был организацией для защиты прав наемных работников в их борьбе с работодателем. Именно эту идею

заложили в него несколько веков назад английские тред-юнионы, а потом французские, итальянские, немецкие и российские рабочие. И до сих пор во всем мире, в любой стране, вам именно такую трактовку и представляют. Собственно, то же самое прописано и в Федеральном законе “О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности”, и в Трудовом кодексе, и в документах Международной организации труда, которую мы уважаем.

— *А в Профсоюзе “Учитель”, в отличие от Большого профсоюза, состоят только рядовые сотрудники, там нет ни одного руководителя?*

— Практически, да. Впрочем, есть одно исключение. В моей школе директором стал молодой учитель, который до того был активным членом нашего профсоюза. Мы долго думали и приняли решение не исключать его, поскольку он выразил желание остаться рядовым сотрудником организации. Хотя сейчас, когда этот человек выступает в роли директора, он частенько спорит с нами.

— *Вернемся к вопросу о финансировании. Насколько я понимаю, нидерландская военщина вам сильно задолжала. Но на что же вы существуете?*

— Как и в Большом профсоюзе, у нас есть взносы — 1% от заработка учителя. Разница в том, что их большая часть (80%) остается в первичной организации, а на общепрофсоюзные нужды отчисляется лишь пятая часть от собранного. Плюс к этому иногда нам удается выигрывать гранты. В частности, в прошлом году наша *первичная организация Нижегородской области* получила небольшой грант на проект по оптимизации всяких отчетов и прочих бумажных дел учителей. Кроме того, Конфедерация труда России тоже помогает нам проводить какие-либо большие мероприятия. К слову, туда входят не в пример более многочисленные и богатые организации, чем мы — Профсоюз автомобилистов, Профсоюз авиаторов, Профсоюз докеров и так далее, поэтому денег у них значительно больше.

Хочу сказать, что у нас нет освобожденных сотрудников, и ни я, ни другие сопредседатели не получаем за свою работу из фонда нашего профсоюза ни копейки. А собранные деньги идут на оплату командировок, проведение круглых столов и кое-что другое.

— *Если не секрет, какова численность Профсоюза “Учитель” в целом по стране?*

— Около 1000 человек. По сравнению с почти миллионами в Большом профсоюзе это мизер, к тому же, им досталось богатое наследие советской эпохи — собственные пансионаты, огромные здания и большое количество помещений по всей стране. Они могут себе позволить иметь целый штат сотрудников с весьма неплохими зарплатами. А мы нет.

— *Интересное дело. Получается, ваша организация находится в явной оппозиции, причем не только к Большому профсоюзу, но и к Минпросу. Хотя вы им, явно, не конкурент. Но я вот о чем... Не секрет, что в обществе, действительно, может сложиться мнение: если у нас и есть какие-либо оппозиционные организации, то они, наверняка, пользуются поддержкой либо из-за рубежа, либо со стороны российских богачей, не согласных с политикой действующей власти. Скажите, есть ли под этими рассуждениями какая-то почва?*

— Представить себе, что какие-то капиталистические страны или какие-то олигархии по каким-то непонятным причинам начнут поддерживать независимый профсоюз работников образования — это, по меньшей мере, странно. Капиталист не может поддерживать профсоюзное движение, ибо оно направлено на борьбу с ним. Это несерьезно. В профсоюзном движении, да и вообще, в левом движении в России, никакие западные фонды ничего давать не будут. Точно так же, как не дают ни Ходорковский, ни Прохоров, ни кто-либо еще. И потом, если рассмотреть все программы по образованию, которые предлагает наша так называемая “либеральная оппозиция”, то, не дай бог для учителей, чтобы они были реализованы. Уже ни для кого не секрет, что, фактически, нынешняя министерская политика образования развивается строго в русле этих либеральных реформ. А в результате мы имеем то, что имеем. К тому же, важно понять — то, что сегодня происходит с российскими учителями, происходит также и с английскими, американскими, эстонскими и с другими учителями по всему миру. Это общий кризис образования, на которое идет массивное наступление со стороны капитала.

— *А какие-нибудь международные педагогические организации и сообщества разве не могут сотрудничать с вами, помочь вам материально?*

— Ищем, но ничего такого пока не нашли. На международном уровне как раз именно Большой профсоюз выглядит весьма солидно. В нем в тысячу раз больше членов, чем у нас, он делает солидные взносы в различные международные организации, за участие в тех или иных глобальных мероприятиях и программах. А мы этого себе позволить не можем. Но европейские учителя судят по России именно по Большому профсоюзу. Да, мы пытались контактировать с профсоюзами Украины, Молдовы, Белоруссии, Прибалтийских стран. Но пока эффективного взаимодействия не получается.

— *А каков у вас охват регионов?*

— Из 85 субъектов РФ первичные организации созданы в 21. Хотя бывают случаи, когда в той или иной области есть члены нашего профсоюза, но они входят в первичные организации другого региона.

— *И все-таки, почему Большой профсоюз с вами так жестко порой обходится? При таком соотношении сил они могли бы просто вас игнорировать.*

— Потому что они понимают — мы, в отличие от них, реально защищаем права учителей, а главное, учим их самих защищаться. Когда к нам приходит новый человек, это происходит в следствии какой-то несправедливости. Например, учителя в школе обидели, он идет к председателю первичной организации Большого профсоюза. Тот либо сразу его отфутболивает, либо говорит, что ничего не может сделать и переадресовывает его в райком. В райкоме та же ситуация — либо посылают, куда подальше, либо кивают на обком. А что в итоге? Человек понимает, что он со своими проблемами никому не нужен. И идет к нам. И мы его не бросаем, а начинаем за него и вместе с ним бороться, отстаивать справедливость. Сегодня проблема Большого профсоюза заключается в том, что он формально существует, но, по мнению большинства учителей, в том числе, даже состоящих в нем, его уже давно нет. Поэтому обращаться туда стоит лишь в том случае, если они правда в состоянии что-то сделать. Хотя, обычно, они не делают вообще ничего для защиты своих же членов.

В прошлом году в *Курганской области* шли протестные акции, связанные с тем, что власти региона монетизировали льготы для педагогов. Они, вместо того, чтобы помогать учителям оплачивать уголь по льготной цене, просто выдали им по тысяче рублей. Так вот, были протесты, и этим руководил обком и райком Большого профсоюза. Поскольку в одном из районов Курганской области есть первичная организация профсоюза “Учитель”, я спрашивал ее активистов, сотрудничают ли они со “смежниками”. Оказалось — да, конечно, вот телефон контактного лица. Но когда я по этому телефону позвонил и предложил сотрудничество, там вежливо отказались. Мол, они и так все сами делают, им помощь не нужна. В результате же протесты оказались слиты, а учителей убедили по поводу льгот обращаться в Конституционный и даже Европейский суд. Хотя изначально понятно, что Конституционный суд никакого нарушения закона в данном конкретном случае не признает, а Европейский даже не примет заявку к рассмотрению.

— *Вы в самом начале сказали, что на заре существования организации искренне предлагали Большому профсоюзу сотрудничество на взаимовыгодных условиях. А теперь, фактически, вы по разные стороны баррикад?*

— Нас поставили в такие условия. В 2014–2015 годах шла большая работа в Министерстве образования и науки, готовился большой документ о **регламентации рабочего времени учителя**. У нас из-за этого была проведена целая кампания, мы долго обсуждали с педагогами, каким должно быть это время, как его учитывать. В конце концов, выработали некую позицию и пошли в министерство. Что удивительно, нас пригласили к руководителю отдела, он нас выслушал, принять наши рекомендации. А потом было большое совещание с присутствием представителей ряда профильных министерств и Большого профсоюза. Все, что там говорилось, было, по факту, полной поддержкой министерского варианта решения этой проблемы. “Смежники” уверяли присутствующих, что все те нарушения прав учителей, о которых мы рассказывали, на самом деле, нет, это либо клевета, либо отдельные исключения. А значит, все наши радикальные предложения попросту бессмысленны. В итоге документ был утвержден. Конечно, можно успокаивать себя мыслью, что, навер-

ное, он получился лучше, чем мог бы быть без нашего участия, но, увы, он все-таки хуже того, чем мог бы стать, если бы к нам прислушались. **Позиция экспертов Большого профсоюза была откровенно проминистерская.** И люди, призванные защищать интересы рядовых работников, просто перешли на сторону работодателей и стали отстаивать их интересы.

— *Как вы думаете, почему Большой профсоюз охотнее защищает власть, а не интересы педагогов?*

— Я не знаю, почему он занимает столь явно подчиненную позицию. Но факты остаются фактом: все документы, подписанные руководством Департамента образования города Москвы, визируются председателями профсоюзов. И даже сейчас, когда идут протесты против пенсионной реформы, мы рассчитывали, что Большой профсоюз, наконец, сообразит, что по учителям эта реформа ударит особенно сильно. Ведь нам на 8 лет отсрочили выход на пенсию по выслуге лет. Тем не менее, ни на одном из протестных митингов мы не видели почему-то знамен ФНПР. И не видели, чтобы руководство Большого профсоюза открыто заявило о своем несогласии с этой реформой. Возможно, этому поведению есть какое-то другое объяснение, но пока складывается ощущение, что Большой профсоюз целиком и полностью находится под властью Минпроса и сам ничего не решает.

— *Если посмотреть список добрых дел, опубликованный на сайте Профсоюза “Учитель”, бросается в глаза одна особенность: они, в основном, связаны с помощью отдельным учителям в отдельных регионах. Но ведь учителей десятки тысяч, а побед единицы. Если ли у вас более глобальные победы, которые могут изменить жизнь сразу многих учителей?*

— Да, безусловно, есть. Судебные победы — это, строго говоря, победы наших юристов. Что же касается самого профсоюза, то главное у нас — это коллективная работа. Она чаще всего не видна, но очень важна. Там, где созданы первичные организации нашего профсоюза, установлены нормальные отношения между администрацией и работниками. И это самое главное. А ведь основная задача профсоюза — разработка коллективного договора внутри организации, который бы всех устроил. И в разных регионах, где наших учителей становится больше, в школах удается создать нормальные условия для работы.

Кроме того, мы добились, чтобы *в Звериноголовской школе Курганской области* всем учителям выплатили стимулирующие надбавки за два года. Напомню, по итогам этого громкого дела там было снято все районное и областное руководство образования. В остальных регионах это видят и понимают — есть силы, способные защитить их от произвола чиновников. Или же вот, например, *в Дзержинске Московской области* мы добились того, чтобы учителей перестали гонять на обход домов, когда учителей вынуждают ходить по квартирам своих учеников и проверять, в каких условиях они живут.

Опять же, вспомните, какой общественный резонанс вызвала смена руководства в знаменитой московской школе Тубельского. Благодаря нам эта образовательная организация сумела избавиться от директора, который творил совершенные глупости, и теперь там нормальное временное руководство. И учителя там — кстати, в основном, члены нашего профсоюза, — могут защищать и отстаивать свои права.

— Всеволод Владимирович, вы сказали, что являетесь действующим учителем, а в Профсоюзе “Учитель” нет освобожденных сотрудников, и каждый выполняет свои обязанности, постольку поскольку это позволяет их основная работа. Скажите, если бы у вас было бы больше членов, а значит, и больше взносов, возникло бы желание выделить несколько ставок для людей, которые должны заниматься только этим видом деятельности?

— Нам остро не хватает денег на юриста. Пока у нас эти функции выполняет наш сотрудник, тоже учитель права, мой бывший ученик. Мы ему выплачиваем вознаграждение из профсоюзных денег. И если бы членов профсоюза было хотя бы раза в три больше, мы могли бы взять ему помощника. Точно так же у нас есть секретарь — кстати, не член профсоюза. Ему зарплату платит Конфедерация труда России. И было бы хорошо, если бы таких сотрудников было больше. Но раздувать штаты тоже не резон.

*Записал Иван Портнов
(октябрь 2018 г., г. Москва)*